

УДК 1(091)

«ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ» В ФИЛОСОФИИ Ф. АНКЕРСМИТА

Г.С. Ицкович

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.269

В статье рассматривается концепция «исторической репрезентации» в философии Ф. Анкерсмита. Данная концепция является важным компонентом нарративистской философии истории голландского философа. Используя эту концепцию, Анкерсмит стремится решить проблему истинности в историческом познании, по-новому взглянув на историописание. Отвергая реализм как познавательную установку, он склоняется к мысли о подтверждаемости атомарных исторических фактов и возможности говорить лишь о большей или меньшей степени достоверности исторических повествований, поскольку они опираются в значительной степени на различные аксиологические установки и предпосылочное знание. Анкерсмит постмодернистски сближает историю и литературу, что ведет к трудностям в различении исторических и художественных текстов.

Ключевые слова: историческая репрезентация, нарративные субстанции, нарратив, исторический нарратив, историческая реальность, историописание, интерпретация, репрезентация.

Часто цитируемая фраза Леопольда фон Ранке гласит, что «цель истории – восстановить прошлое» (варианты перевода разнятся: «показать, как было», «как было на самом деле» и т. д.). Однако, если исходить из данного утверждения, то можно столкнуться с целым рядом проблем, осознаваемых не только историком, но и человеком, который воспринимает результат его работы, притязающий на репрезентацию, воспроизведение событий минувшего. Одна из наиболее обсуждаемых сегодня концепций исторической репрезентации принадлежит Франку Анкерсмиту. Попытаемся рассмотреть её теоретико-методологические основания, на которые опирается его подход к природе исторического повествования.

Важно понимать, что с точки зрения Анкерсмита, история существенно отлична от естествознания. В ней мы не видим привычного нам производства знания в том виде, в каком это происходит в естественных науках. Тем не менее, это отличие истории видится Анкерсмиту скорее плюсом, т. к. открывает широкий простор для работы с историческими текстами, в которых придается смысл историческому процессу [1, с. 141]. Ведь историческая реальность может быть, по его мнению, сконструирована лишь в рамках нарратива усилиями его автора.

Анкерсмицу чужда идея о том, что в истории содержится какое-либо субстанциальное начало. К идее субстанциальности в повествовании об истории как познавательного средства он обращается лишь при рассмотрении конструкции нарратива. В самой же истории субстанции нет и быть не может. Также сомнительной видится голландскому философу и рациональность философии истории, поскольку, как он считает, рациональное начало сводится к нулю субстанциональными допущениями, которые есть у любого дискурса. Вслед за Фуко, Анкерсмит утверждает, что важно утвердить определенные границы дискурса, поскольку лишь в этом случае становится возможным увидеть подобные допущения. Границы показывают то, что может быть высказано в рамках дискурса, и то, что высказать нельзя. Подобный метод может быть возможен через изучение терминологического аппарата, характерного для данного дискурса [1, с. 169].

Объектом критики Анкерсмита оказываются те словари, которые были популярны в философии истории в предшествующие годы. В первую очередь – словарь описания и объяснения, ставший влиятельным примерно в 1940-е гг. Под объяснительной моделью Анкерсмит понимает теорию «охватывающего закона» Поппера-Гемпеля. В своей статье «Функция общих законов в истории» К. Гемпель писал, что в истории, как и в естественных науках, существуют некие общие законы, которые выполняют в обеих науках одни и те же функции. Данные законы составляют основу не только исторического исследования в целом, но и различных исследовательских процедур, которые обычно считаются специфично характерными именно для истории и социальных наук в целом, что и отличает, в значительной мере, социальные науки от естественных [4, с. 18]. История, с точки зрения данного словаря, выступает набором исторических феноменов, которые могут быть подвергнуты описанию и объяснению (см.: [6, с. 26–47]). Проблема данного словаря в том, что создаваемые дескрипции и утверждения, содержащие объяснения различных исторических феноменов, порождает вопрос об их истинности. Не меньшей критике подвергается словарь интерпретации, который вошел в употребление в 1970-е гг. Голландский философ имеет здесь в виду своеобразный гибридный вариант аналитической философии и герменевтики, а также «классическую» континентальную герменевтику. Анкерсмит поясняет это путем деления данного направления на две части: аналитическая герменевтика, восходящая к идеям Р. Коллингвуда и представленная фон Вригтом и Олафсоном и, как её называет Анкерсмит, «неразбавленная» герменевтика. Первая неправомерно и малопродуктивно смешивает словарь интерпретации со словарем объяснения. Существование второй же Анкерсмит подвергает сомнению, т. к. подобный подход характерен скорее для литературоведения. Однако, если допустить использование данного словаря в философии истории, получается некое размытие данной дисциплины, вслед-

ствие создания гибридных форм рассуждений, что, с точки зрения Анкерсмита, губительно для философии истории, поскольку лишает утверждения последовательности, которая характерна для философии [1, с. 171].

Следуя идеям интерпретационной теории, можно прийти к мысли, что история является неким целым, полным смыслов. Задача историка, таким образом, сводится к их объяснению. Анкерсмит справедливо утверждает, что герменевтика преувеличивает представленность смыслов в истории. Однако в отличие от первого словаря, применение интерпретации, в целом, возможно. Анкерсмит видит два возможных пути: во-первых, использование наработок спекулятивной философии истории, признание того, что в историческом процессе (в целом) присутствует смысл и конечная цель, которую не всегда могут распознать даже сами исторические агенты (философия Гегеля или Маркса яркий тому пример). Однако, употребляя термин «смысл» в отношении истории, мы способствуем её персонификации (можно вспомнить такие расхожие фразы, как «история рассудит» или «история накажет»). Ссылаясь на П. Мюнца, Анкерсмит вслед за ним замечает, что в истории мы не видим лица, но видим «маски», за которыми скрывается историк [1, с. 174]. Второй же путь «спасения» теории интерпретации в следовании идеям Х. Уайта и П. Рикёра. Их идеи в упрощенном виде сводятся к тому, что история, в общем и целом, похожа на текст, следовательно, она, подобно тексту, имеет собственный смысл. Однако Анкерсмит выдвигает справедливое возражение против этой идеи: текст всегда повествует о чем-то, что лежит вне его. Если следовать идеям Уайта и Рикёра, тогда получается, что история повествует сама о себе, что, разумеется, невозможно [1, с. 176]. Кроме того, осмысленность текста – вопрос дискуссионный. И если возможен текст, в котором нет смысла, то и идеи Уайта и Рикёра не валидны в данной ситуации.

Получается, что оба словаря, как описания и объяснения, так и словарь смысла и интерпретации, уводят внимание философа истории от действительно важных вещей, доступных изучению, фокусируя его внимание на малозначительных аспектах историографии.

Другим же по своему характеру видится Анкерсмицу словарь репрезентации. Данный словарь, с точки зрения голландского философа, обладает преимуществом перед предыдущими: словарь репрезентации не приписывает истории никакого смысла. Напротив, он служит тем средством, с помощью которого смысл и возникает там, где его изначально нет [1, с. 177]. Смысл репрезентационен. Смысл оказывается не данным в истории, а итогом нашего понимания исторической репрезентации, созданной другими.

В своей ранней работе «Нарративная логика» Анкерсмит использует термин «нарратив». Однако в дальнейшем он употребляет более предпочтительный, с его точки зрения, термин «репрезентация», как бо-

лее понятный. «Нарратив», утверждает Анкерсмит, указывает скорее на художественную литературу, тогда как история несводима к литературе, поскольку не является написанием, например, рассказа или романа. Для подтверждения своей мысли, Анкерсмит приводит в качестве примера швейцарского историка Якоба Буркхардта, который дает описание того или иного исторического периода, при этом минуя именно «нарративизм» [3, с. 32]. Видится, впрочем, что такое разделение не совсем верно. Следовало бы различать термины «нарратив» и «репрезентация», а не заменять один на другой. Исторический текст – нарратив. Тогда как репрезентация – это тот образ, который конструируется в нарративе и который считывает или даже создает сам читатель в ходе акта коммуникации с текстом. Таким образом, следовало бы различать понятия репрезентация и нарратив. Однако поскольку Анкерсмит использует именно термин репрезентация, далее в статье будет употребляться именно он.

Необходимо сразу отметить, что репрезентация не является документальным изображением прошлого. Это, в значительной мере, способ, которым историк смотрит на прошлое и который предлагается читателю. Читая текст, соответственно, мы видим историю глазами историка, который подобен художнику: репрезентируя прошлое, он придает ему значение через свой текст.

Следуя своему же призыву в духе конструктивизма, выраженному в книге «Нарративная логика», Анкерсмит меняет фокусировку взгляда философа истории с процесса исторического исследования на историописание, т. к. только так можно не упустить факт того, что при написании исторического текста факты и события тщательно отбираются самим историком и включаются в повествование тем образом, каким сам историк и задумал. Ценность исторического текста, по Анкерсмицу, зависит не от самих фактов, а от их нарративной интерпретации [2, с. 198]. Таким образом, в центр философии истории Анкерсмит ставит изучение написания исторического нарратива. Лучшее понимание истории приходит благодаря изучению текста в его целостности, с определением его отношения к составляющим его частям и к тому, что текст в итоге репрезентирует.

То есть, цель исторической репрезентации в том, чтобы создать определенную интерпретацию прошлого (не интерпретировать несущие в себе смысл факты, а буквально создать целостную интерпретацию). Разумеется, историческая репрезентация никоим образом не отображает историческую реальность такой, какая она есть (поскольку нет никакой исторической реальности в подобном смысле, она нам не дана).

Ключевым вопросом в понимании сущности исторической репрезентации является её структура. Каждая репрезентация состоит из единичных высказываний, но не сводима к ним, как целый текст она превосходит сумму высказываний. При этом без них репрезентация не-

возможна. Анкерсмит, таким образом, отвергает всякий редуционизм и придерживается холистического взгляда на отношения целого текста и составляющих его единичных высказываний. Если целый текст не сводится к его единичным высказываниям, тогда чем является этот текст? Ответ на этот вопрос Анкерсмит дает, описывая ту двойную роль, которую играют составляющие текста.

Анкерсмит приписывает единичным высказываниям две разные функции: во-первых, они описывают прошлое и, во-вторых, посредством данных высказываний создается образ прошлого. Получается, что, взятые отдельно, единичные высказывания соотносятся с источниками, воспроизводящими минувшее и косвенным образом с самими произошедшими событиями, описывают их, взятые же вместе и организованные определенным образом – создают уже репрезентацию [1, с. 196].

Красивый пример, иллюстрирующий способ создания исторического текста, был приведен в одном зарубежном исследовании философии Анкерсмита. Имеется утверждение: «Книга “Нарративная логика” была опубликована в 1981 г.» Данное утверждение описывает реальность, поскольку определенная книга действительно была опубликована в определенном году. Однако стоит лишь присоединить к этому высказыванию другое, чтобы получился осмысленный текст, как соединенные высказывания уже создадут определенный взгляд, с помощью которого мы будем смотреть на прошлое. Например, можно сказать, что книга «Нарративная логика» была опубликована в 1981 г. и вызвала оживленную дискуссию о референциальности исторического текста [9, с. 360]. Однако на самом деле книга Анкерсмита не вызвала подобной дискуссии, что лишь ярче демонстрирует роль историка в написании текста и тот способ, которым историк этот исторический текст конструирует вместе с исторической реальностью, которая и дана нам в репрезентации и который обуславливает наш взгляд на прошлое.

Получается, что единичные утверждения, организованные тем или иным образом, и определяют наш взгляд на книгу Анкерсмита, как на работу, указывающую на важный вопрос в философии истории. Ведь второе утверждение о вызванной данной работой дискуссии заставляет нас по-особому взглянуть на те события, которые последовали за публикацией книги. Таким образом, единичные высказывания (которые, как уже отмечалось, могут быть истинными), связанные между собой так, как угодно историку, создают образ прошлого, взгляд, которым становится возможным смотреть на прошлое. Исторический текст и состоит из таких организованных между собой высказываний, составляющие в конечном счете историческую репрезентацию, которая невозможна на уровне одних лишь единичных высказываний.

Не менее важным элементом в структуре исторической репрезентации являются логическая модель, которую Анкерсмит называет

«нарративные субстанции». Он определяет их как «множество высказываний нарратива, которые вместе осуществляют репрезентацию прошлого, предложенную в рассматриваемом историческом нарративе». Высказывания при этом уже не описывают прошлое и не отображают его, они, скорее, служат средством индивидуализации нарративной субстанции. Анкерсмит использует нарративные субстанции в качестве аргумента против идей Н. Гудмена, который писал, что денотация является ключевым моментом в репрезентации, которая «независима от принципа подобия» [8, с. 29]. Кроме того, с точки зрения Гудмена реализм – «отношения между системой репрезентации, используемой в картине, и системой репрезентативных стандартов» [8, с. 31]. Что, по мнению Анкерсмита, сводит репрезентацию к вопросу конвенции [1, с. 189].

Поскольку репрезентация является чем-то большим, чем символом репрезентируемого, Анкерсмит считает, что она невозможна без нерепренцируемых моделей. Таковыми и выступают в его концепции нарративные субстанции. А. Данто писал, что репрезентируемое не может заменить репрезентацию, т. к. в этом случае становится невозможным получить «удовольствие от имитации». Так и нерепренцируемые модели создают репрезентацию. Кроме того, Данто выдвинул идею о том, что существует логическая связь репрезентации с установлением дистанции от реальности [7, с. 578]. Именно подобное дистанцирование и обеспечивают нарративные субстанции. Помимо этого, они делают язык репрезентации «непрозрачным», что науке несвойственно.

Однако такие антиреалистические идеи оказываются для Анкерсмита недостаточными. Кроме нарративных субстанций Анкерсмит вводит в структуру исторической репрезентации еще одну логическую модель – «концепт реальности». Без такой модели историческая репрезентация невозможна, поскольку именно относительно неё являются истинными единичные высказывания. Соответственно, без такого «концепта реальности» исторической репрезентации нечего было бы репрезентировать [1, с. 198]. Анкерсмит пишет, что единичные высказывания как бы «зажаты» между двумя логическими моделями, которые не дают ничего «нового нашему знанию о мире» [1, с. 199]. Представляется, однако, что они не столько зажаты, сколько служат фундаментом для всей репрезентации, поскольку без них невозможны ни нарративные субстанции, ни концепт реальности.

Получается, что историография не способна к «наблюдению и видению». Невозможна «синонимия» между репрезентируемыми объектами и репрезентацией. Следовательно, историческая репрезентация может противоречить не столько исторической реальности (которая дана нам только лишь в нарративе), сколько другим репрезентациям [1, с. 200–201].

Значит, репрезентация не может быть ни истинной, ни ложной. Возможно говорить лишь о большей или меньшей достоверности и

правдоподобности, которые проявляются лишь в сравнении с другими репрезентациями [5, с. 284]. Неизбежно возникает вопрос о том, как возможно определение правдоподобности и достоверности текста? Анкерсмит предлагает два критерия для подобного определения: во-первых, наилучшей репрезентацией можно назвать ту, в рамках которой удалось достичь максимального единства при описании максимально разнообразных исторических явлений; во-вторых, наилучшей репрезентацией является та, которая наиболее оригинальна [5, с. 107]. Образцом для Анкерсмита, в значительной мере, является Эдвард Гиббон, который признавался, что при написании «Истории возвышения и падения Римской империи» ему пришлось трижды переписать первую главу, дважды вторую и третью, прежде чем он нашел ту золотую середину между скучной хроникой и декламацией [5, с. 107]. Объединяя оба критерия в одной репрезентации, мы получаем наилучшую – наиболее метафорическую.

Анкерсмит убежден, что подобная концепция преодолевает проблемы, которые стоят перед эпистемологической философией истории, выраженной стремлением к объяснению истории путем применения модели охватывающего закона (МОЗ) и герменевтикой (континентальной и англосаксонской). Первая, в частности, демонстрирует недостаточную чувствительность к изменениям в истории, «подгоняя» все процессы и явления под некие общие законы, что упрощает историю, тогда как вторая слишком полагается на идею схожести мыслей историка и исторического агента [1, с. 102]. Отсутствие согласования эксплананса и экспланандума в МОЗ привели, по мысли Анкерсмита, к тому, что язык историка и историческая реальность не смогли быть соединены должным образом [1, с. 103]. А. Данто, безусловно, постарался преодолеть это разрыв, когда писал о том, что историк занимается объяснением определенных событий, с данными ему определенными описаниями, и что для историка является важным включение описания в действующий механизм охватывающего закона. Однако Данто все же признавал непреодолимость той дистанции, которая лежит между прошлым во всей его сложности и языком объяснения [5, с. 222]. Аналитическая герменевтика справедливо критикуется за свою неспособность объяснить те части истории, которые не сводятся только лишь к намерениям людей. По мнению Анкерсмита, теория исторической репрезентации в рамках нарративистской философии истории – ответ на те противоречия, которыми грешат указанные модели. Однако, как представляется, здесь вырисовывается проблема несколько иного характера. В главе «Историография и постмодернизм» в книге «История и тропология: взлет и падение метафоры» Анкерсмит описывает важную для современной историографии проблему: перепроизводство. Анкерсмит справедливо указывает, что в данный момент по каждому вопросу, по каждой исторической фигуре выходит большое, даже огромное, количество

самых разных работ. Количество таких работ ведет к забвению того, с чего все начиналось. Так, к примеру, количество работ по Гоббсу достигло невероятных цифр, что ведет, как пишет Анкерсмит, к «войне интерпретаций». Вплоть до того, что студентам не рекомендуется читать самого Гоббса [1, с. 276]. То, о чем предупреждал когда-то Ницше, а именно, что историография становится препятствием для нашего взгляда на прошлое, стало реальным. Таким образом, теория исторической репрезентации выступает в качестве яркого проявления кризиса, который характерен для истории (да и для всей современной жизни в целом). Перепроизводство знания, война интерпретаций и репрезентаций ведет лишь к тому, что знание как таковое теряет всякий смысл. Историческая реальность, и без того не данная нам эмпирически, рискует окончательно превратиться в миф, конструируемый учеными. Даже более того, в несколько десятков мифов. Спор репрезентаций – не яркое проявление тезиса «в споре рождается истина». Это, скорее, показатель того, что в постмодернистском мире корректное, надежное и обоснованное знание не то, что невозможно, но, подчас, и невостребованно. Если студенты не читают Гоббса, а читают интерпретации Гоббса – возникает вопрос, а нужен ли сам Гоббс со своим «Левиафаном»? Анкерсмит видит выход в том, чтобы, отказываясь от изучения истории во всей её тотальности, обратиться к микроисториям, как сделал, например, К. Гинзбург в своей работе «Сыр и черви». Подобный подход, с точки зрения Анкерсмита, способен вывести историческое знание из тупика, созданного большим количеством работ. Микроистории, подобные истории мельника-еретика, трудно повторимы другими исследователями. Впрочем, это не панацея, поскольку никто не мешает другому ученому создать свою интерпретацию той же микроистории, поскольку интерпретация работы, например, Гинзбурга и созданной им репрезентации, неизбежно ведет к желанию создать свою, исходя из несогласия с данной или убеждения в том, что некоторые моменты недоисследованы.

Концепция исторической репрезентации Ф. Анкерсмита – серьезное и сложное явление в нарративистской философии истории. На базе аналитики предшествующих моделей исторического знания, она содержит в себе идею конструктивного характера постижения минувшего. Анкерсмит предпринимает попытку по-новому взглянуть на практику историописания, вводя термин «историческая репрезентация», который фиксирует сложность и опосредованность воспроизведения диахронии истории в форме повествования о ее событиях. Хотя он не отрицает способности историка восстановить достоверные атомарные факты минувшего, запечатлевающие его отдельные события на базе свидетельств источников, но предлагает характеризовать целостные повествования как способные быть лишь более или менее достоверными. Причина тому опора историков-профессионалов на различные аксиологические ос-

нования, мировоззренческие методологические стратегии и несхожий корпус предпосылочного знания. Само событийное многообразие истории, потенциальное многообразие связей между ними – очевидная онтологическая основа констатируемой Анкерсмитом плюральности исторических повествований относительно схожей предметности минувшего.

Сближая историописание и литературу (но не смешивая одно с другим), Анкерсмит показывает сложность достижения правдоподобия целостных нарративов даже при опоре их на достоверные атомарные утверждения о событиях прошлого. Впрочем, как представляется, подобные идеи не способны дать реального ответа по поводу перспектив исторического знания. В искусстве, с некоторыми оговорками, конечно, в целом возможно создавать искусство ради искусства. В науке и истории, в силу их особых познавательных и культурных функций, такое невозможно в принципе. Профессиональная историография обречена на исчезновение без поиска ориентиров создания надежного знания о прошлом, нужного человеческому сообществу для устройства собственной жизни, обретения самоидентичности. Голландский философ поднял важные вопросы, поиск ответа на которые нужен для определения места истории в целостности современной культуры.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры/ М.: Канон-Плюс, 2009. 400 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Ваславский Я. Как лечатся исторические травмы // Эксперт. 2016. № 43. 24-30 октября. С. 29–32.
4. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 240 с.
5. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
6. Лингвистический поворот и историческое познание в западной философии XX-XXI веков / отв. ред. Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 304 с.
7. Ankersmit F. Historical representation. Stanford: Stanford University Press, 2002. 317 p.
8. Goodman N. Languages of Art. New York: The Bobbs-Merrill Company, inc, 1968. 278 p.
9. Zelenak E. Exploring holism in Frank Ankersmit's historical representation // Rethinking history. 2009. V. 13, № 3. September. P. 357–369.

**«HISTORICAL REPRESENTATION» IN F. ANKERSMIT'S
PHILOSOPHY**

G.S. Itscovich

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of the concept of «historical representation» in F. Ankersmit's philosophy. This concept is an important component of the Dutch scholar narrativist philosophy of history. Using this concept, Ankersmit seeks to solve the problem of truth in historical knowledge by taking a new look at historical writing. Rejecting realism as a cognitive attitude, he inclines to the idea of the confirmability of atomic historical facts and the possibility of talking about a greater or lesser degree of reliability of historical narratives, since they depend largely on various axiological attitudes and knowledge presuppositions. Ankersmit brings history and literature together in a postmodern way, which leads to difficulties in distinguishing historical and artistic texts.

Keywords: *historical representation, narrative substances, narrative, historical narrative, historical reality, historical description, interpretation, representation.*

Об авторе:

ИЦКОВИЧ Глеб Сергеевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: gleb.itscovich@yandex.ru

Author information:

ITSCOVICH Gleb Sergeyevich – PhD student at the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University, Tver. E-mail: gleb.itscovich@yandex.ru